

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.108.116>

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО МУЗЕЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1872–1932 ГГ.)

© 2021 г. И.Л.Тихонов

На основе архивных документов в статье рассмотрена история формирования археологических коллекций Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге, связанная, прежде всего с деятельностью его заведующего с 1872 г. Н.Е. Бранденбурга. Увлечшись археологией и стремясь пополнить собрание музея предметами древнего и средневекового вооружения, он начал масштабные раскопки в Юго-Восточном Приладожье, Поднепровье и других регионах Российской империи. Часть материалов, полученных в ходе этих раскопок, поступала в Артиллерийский музей. Немалое количество предметов также передавала Императорская археологическая комиссия, финансировавшая некоторые исследования Бранденбурга, также как и Русское археологическое общество. В 1889 г. музей открылся для публики и со временем все больше археологических материалов появлялось в его экспозиции. В 1902 г. был издан Путеводитель – каталог по доисторическому отделу, в котором преобладали экспонаты более поздних эпох. В экспозицию были помещены погребения средневековых кочевников с конем, вырезанные монолитом «in situ». Это был один из первых опытов такого рода в российском музейном деле. Археологические предметы продолжали поступать из Археологической комиссии и после смерти Н.Е. Бранденбурга, благодаря деятельности нового руководителя музея – П.Д. Струкова и его помощника Н.М. Печенкина, в 1917 г. возглавившего музей. К 1912 г. общее количество археологических артефактов в экспозиции достигло 1250. Коллекции сильно пострадали во время наводнения 1924 г. и к 1932 г. были переданы в Государственный Эрмитаж.

Ключевые слова: археология, музейные коллекции, Артиллерийский музей, Н.Е. Бранденбург, Н.М. Печенкин.

ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE ARTILLERY MUSEUM IN ST. PETERSBURG (1872-1932)

I. L. Tikhonov

Based on archival documents, the paper discusses the history of the formation of the archaeological collections of the Artillery Museum in St. Petersburg, primarily related to the activities of N. E. Brandenburg, who was head of the museum since 1872. Fascinated by archaeology and seeking to replenish the museum's collection with ancient and medieval weapons, he began large-scale excavations in the South-Eastern Ladoga region, the Dnieper region and other regions of the Russian Empire. Some of the materials obtained during these excavations were sent to the Artillery Museum. A considerable number of items were also transferred by the Imperial Archaeological Commission, which financed some of Brandenburg's studies, as well as the Russian Archaeological Society. In 1889, the museum opened to public, and over time, more and more archaeological materials appeared in its exposition. In 1902, a guide-catalog of the prehistoric department was published, which was dominated by exhibits from later epochs. The exhibition included the burials of medieval nomads with a horse, carved with a monolith "in situ". This was one of the first experiments of this kind in the Russian museum business. Archaeological items continued to arrive from the Archaeological Commission even after the death of N. E. Brandenburg, thanks to the activities of the new head of the museum P. D. Strukov and his assistant N. M. Pechenkin, who headed the museum in 1917. By 1912, the total number of archaeological artifacts in the exhibition had reached 1250. The collections were severely damaged during the flood of 1924 and had been transferred to the State Hermitage Museum by 1932.

Keywords: archaeology, museum collections, Artillery Museum, N.E. Brandenburg, N.M. Pechenkin

Артиллерийский музей в Санкт-Петербурге ведет свое начало с 1703 г., но подлинно научным музеем «Зал достопамятных предметов Главного Артиллерийского управления» начал становится с 1872 г., когда его заведующим был назначен Н.Е. Бранденбург. Его стараниями были созданы специальные архивы и исто-

рическая библиотека, издан систематический каталог, а фонды пополнились большим количеством экспонатов. С его же именем связано и формирование археологического собрания музея.

Николай Ефимович Бранденбург (1839–1903), в 1858 г. закончив с отличием Констан-

тиновский кадетский корпус, служил в Кексгольмском гренадерском полку, 21-й и 2-й Лейб-гвардии артиллерийских бригадах. С 1868 по 1870 гг. молодой офицер занимался в качестве вольнослушателя на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, и его конкурсное сочинение «О влиянии татаро-монгольского владычества на Россию» было удостоено серебряной медали. Уже в эти годы им был создан ряд работ по истории русской артиллерии, и в 1872 г., в качестве признанного специалиста в этой области, его назначают помощником начальника артиллерийского отдела Политехнической выставки в Москве, а в октябре 1872 г. – заведующим Артиллерийским музеем (Маковская, 2001, с. 11). Стремление пополнить фонды музея образцами древнего вооружения приводит Бранденбурга к исследованиям и раскопкам археологических памятников. В 1878 г. он становится действительным членом Русского археологического общества (далее – РАО) и начинает раскопки курганов в Южном Приладожье. В течение последующих шести лет им было исследовано около 150 насыпей. Результаты этих раскопок были изданы в 18-м выпуске «Материалов по археологии России», издаваемых Археологической комиссией (Бранденбург, 1895).

Во время частых поездок в Приладожье Н.Е. Бранденбург не мог не обратить внимания на ключевой пункт этого региона – Старую Ладугу. В первую очередь его как военного историка заинтересовали руины каменной крепости, известной в обиходе под именем «крепости Рюрика». Кстати, никак нельзя согласиться с мнением Г.С. Лебедева, который считал, что первоначально Бранденбург разделял это мнение (Лебедев, 1992, с. 154), поскольку именно он как раз и отмечал, что эти развалины никак не могут относиться ко времени Рюрика, так как из новгородских летописей хорошо известна дата постройки каменной крепости, заложенной новгородским посадником в XII в. (ОР РНБ. Ф. 781. Ед. 1596. Л. 7–8).

На заседании Отделения русской и славянской археологии РАО 13 марта 1884 г. Н.Е. Бранденбург выступил с проектом широкомасштабного изучения и сохранения крепости, подчеркивая важнейшую роль Старой Ладуги на ранних этапах русской истории. Председателю РАО, великому князю Константину Николаевичу удалось добиться выделения на эти работы 2000 рублей и в течение 1884–1889 гг. Бранденбург проводит исследова-

ния в Старой Ладуге, изучает каменную крепость и остатки двух древних ладожских церквей. Результатом этих исследований, основанных на данных археологии и письменных источников, стала монография «Старая Ладога» (Бранденбург, 1896), изданная РАО в качестве юбилейного издания к пятидесятилетнему юбилею общества.

Во время этих работ Н.Е. Бранденбург обратил внимание и на «Земляное городище», зафиксировав вместе с горным инженером Д.А. Сабаневым под фундаментами церкви св. Климента мощный культурный слой черного цвета. Изучив эту стратиграфическую ситуацию и проанализировав топографию Старой Ладуги, Бранденбург пришел к важному выводу о том, что первоначальное ядро ладожской территории, связанное с временами Рюрика, находилось на месте «Земляного городища». В марте 1886 г. в заседании Отделения русской и славянской археологии РАО он представил свою записку «Об исследовании земляного городища в Старой Ладуге», в которой предложил «провести здесь систематические раскопки, путем закладки нескольких глубоких траншей, вплоть до основания материкового песка, с целью выяснить культуру нижнего черноземного слоя», прозорливо предсказывая, что «отсюда могут почерпнуться необходимые для решения поставленного вопроса указания и сделаны б. м. драгоценные для русской археологии вещественные находки» (ОР РНБ. Ф. 781. Ед. 1595. Л. 6). На эти работы, как и на поиски следов Готландской церкви св. Николая, по мнению Бранденбурга, было достаточно 400–500 рублей, но этих средств у РАО не нашлось, и первые раскопки на Земляном городище состоялись только почти четверть века спустя. Их провел Н.И. Репинков, знакомый с этой запиской Бранденбурга (Тихонов, 1995, с. 158).

Помимо РАО, исследования Бранденбурга в Старой Ладуге и ее окрестностях финансировались и Археологической комиссией. Так, в 1886 г. он просил отпустить ему «до 700 рублей», а в 1887 г. получил 200 рублей и Открытый лист «на раскопки развалин древней церкви» (Императорская..., 2009, с. 851). Археологическая комиссия ходатайствовала перед Главным артиллерийским управлением и о командировках Н.Е. Бранденбурга для ведения раскопок (НА ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 87. Л. 1–3).

В 1888 г. Н.Е. Бранденбург, получив Открытый лист от ИАК, был командирован «по приказанию его Имп. высочества в Екатери-

нославскую, Черниговскую и Владимирскую губ. для изучения мест древних сражений». На следующий год он опять по приказанию великого князя Михаила Николаевича, командующего всей русской артиллерией, был также командирован ИАК для исследования мест древних битв в Новгородской, Тульской и Смоленской губ. В 1889–1894 и 1900–1903 гг. Н.Е. Бранденбург ежегодно получал открытые листы от Археологической комиссии, а в некоторых случаях и немалые финансовые средства на раскопки: 700 рублей в 1891 г., 600 рублей в 1901 г. и 800 рублей в 1902 г. Несмотря на эту финансовую поддержку своих исследований со стороны ИАК, он в 1888–1889 гг. выступил резким противником стремления комиссии централизовать и наладить систему контроля за раскопками на казенных землях (Императорская..., 2009, с. 116). В 1896 г. Бранденбург обратился к председателю Московского Археологического общества графине П.С. Уваровой с просьбой о финансовой поддержке своих раскопок на частных землях, заявив, что «с Археологической комиссией дела иметь не желательно» (Археология..., 2007, с. 127). В МАО всегда были готовы пойти навстречу противникам ИАК, тем более такому авторитетному исследователю, как Н.Е. Бранденбург, и в 1898 г. он получает от Московского общества не только 300 рублей, но и «свидетельство на право производства раскопок» в Екатеринославской и Полтавской губерниях для предстоящего XI Археологического съезда в Киеве (НА ВИМАИВиВС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 88. Л. 8). Это было прямое нарушение «Высочайшего Повеления от 11 марта 1889 г.», которое МАО продолжало периодически нарушать. В 1899 г., получив командировку от Главного артиллерийского управления и открытый лист от киевского губернатора, Бранденбург опять проводил раскопки без согласований с ИАК (НА ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 26. Л. 13). Впрочем, если речь шла о раскопках на частных землях, никаких согласований и не требовалось.

Всего же с 1888 по 1902 гг. Н.Е. Бранденбург провел целую серию археологических исследований на юге России, раскопав около 300 курганов на правом берегу Среднего Поднепровья (в междуречье Днепра и его притока р. Рось) и 11 курганов в Приазовье. Приступая к раскопкам курганных могильников, ученый ставил конкретные задачи. Например, выяснение соотношения между каменными бабами, стоящими на курганах, и погребени-

ями кочевников. Ему удалось выявить целую группу захоронений средневековых кочевников, которую можно было уверенно связать с племенами союзных Киевской Руси «черных клобуков». Обращал внимание Бранденбург и на погребения эпохи бронзы, еще очень слабо изученные в то время (Галанина, Качалова, 2000, с. 20). Некоторые из своих докладов он посвятил таким важным и отличительным их признакам, как окраска охрой и скорченность костяков.

В 1908 г. Н.М. Печенкин, позднее ставший помощником директора Артиллерийского музея, опубликовал на средства военного министерства «Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1883–1902 гг.». Раскопки Бранденбурга отличались довольно высокой для своего времени методикой и точностью фиксации, так, например, он раскапывал курганы, полностью удаляя насыпь, а не колодцем или траншеей, как еще долго было принято в отечественной археологии. Современники отмечали, что «он сносил весь памятник, во всем его объеме, из боязни что-либо не подметить, не угадать какие-либо мысли или обычаи лиц, его соорудивших» (Печенкин, 1905, с. 12). Сам же Н.Е. Бранденбург формулировал свои методы следующим образом: «у меня основной принцип: в археологии нет мелочей, все должно быть замечено и отмечено, и поэтому ни один комок земли в научной раскопке не может быть переброшен с места, ни один удар киркой в землю не может быть произведен без наблюдения производящего работу» (Печенкин, 1905, с. 18). Нужно отметить, что подобная точность часто была характерна для военных, привыкших к четкости формулировок, хорошо знакомых с топографией, черчением и саперным делом. В качестве примера можно назвать раскопки генерала Питт-Риверса в Англии, В.А. Городцова и А.А. Миллера в России.

Также важно учесть, что раскопки Бранденбург проводил не «из любопытства» или «абстрактной страсти к науке», как это нередко еще бывало в то время, а с четко определенными целями, прежде всего стремясь пополнить собрания подведомственного ему музея. Весной 1888 г. он обратился в Главное артиллерийское управление, которому подчинялся музей, с предложением включить в смету расходов по музею средства на раскопки, которые по примеру парижского музея артиллерии могли бы пополнить его коллекции древним оружием (НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 92. Д. 45. Л. 33–35).

В марте 1891 г. коллекция древностей, собранная Бранденбургом в Киевской губернии, была продемонстрирована начальнику генералу-фельдцейхмейстеру, великому князю Михаилу Николаевичу в его собственном дворце на Дворцовой наб., 18 (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 50. Л. 22). Начальник Главного артиллерийского управления Михаил Николаевич явно благоволил к археологическим занятиям Бранденбурга и неоднократно командировал его на раскопки и Археологические съезды, выделяя для этих целей некоторые средства НА ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 26. Л. 8–15).

Для публички Артиллерийский музей был открыт в 1889 г., когда праздновалось 500-летие русской артиллерии. Основу археологической экспозиции составили материалы раскопок самого Н.Е. Бранденбурга, который в 1902 г. издал специальный путеводитель по ней (Бранденбург, 1902). Хотя путеводитель был, как следовало из подзаголовка, по «доисторическому отделу», в реальности большинство экспонируемых материалов отражало вполне исторические эпохи. Палеолит был представлен всего девятью ашельскими рубилами, найденными во Франции. Несколько шире были представлены неолитические орудия: каменные топоры, кремневые ножи, наконечники стрел, копий и дротиков. Материалы, относящиеся к бронзовому веку, насчитывали 49 экспонатов и состояли, за исключением нескольких украшений, из долота, рыболовного крючка и гарпуна, предметов вооружения. В этой же большой витрине, находящейся в центре зала, помещались древности железного века, предшествовавшие «скифо-сарматскому периоду». Кроме оружия, были выставлены предметы конского снаряжения и различные украшения, например, «четыре бронзовых фаллических идольчика, найденных близ с. Бровары Черниговской губ.» (Бранденбург, 1902, с. 32). В следующих четырех витринах были размещены многочисленные предметы вооружения, защитные доспехи, детали убранства и экипировки коня, несколько украшений и бронзовых зеркал скифской эпохи. Их общее количество превышало 60 экспонатов. Витрина «Е» демонстрировала образцы греческого доспеха и вооружения «последних веков до Р. Х.» и античную амфору. В некоторых случаях комплексы вещей, происходящих из одного погребения, были выставлены вместе и в путеводителе приводились краткие сведения о таких погребениях.

Наиболее полно и в экспозиции, и в путеводителе были представлены древности железного века «славянского периода». Хотя любопытно заметить, что к собственно славянским, или, как он сам писал, «в тесном смысле славянским», материалам Бранденбург отнес только выставленный в витрине «Ж» небольшой набор украшений и бытовых предметов из могильников близ г. Переяслава Полтавской губернии, отметив крайнюю бедность этих погребений. В разделе «Древности Финского Севера» были представлены материалы его раскопок в Южном Приладожье. Раздел «Древности кочевых племен Юга России» состоял из 9 витрин и открывался двумя погребениями кочевников в деревянных гробах (Бранденбург отнес их к печенегам) с конем, которые были вырезаны монолитом вместе с землей и доставлены в музей. Это был один из первых опытов в отечественной музейной практике экспонирования полного погребения *in situ*, поэтому автор путеводителя счел нужным дать подробное примечание: «Реставрация описанной могилы произведена лишь отчасти, в пределах крайней необходимости, так что памятник представляет почти вполне самый оригинал, а не искусственное его воспроизведение. Для доставки его в Музей, гроб с лежащим в нем скелетом был на месте окопан в форму правильного массива земли и заключен в бревенчатый сруб, который в 1893 году был доставлен в Музей для окончательной очистки и исследования. В таком виде весь грунт составил более 100 пудов, почему взять его одновременно еще с остовом лежащей рядом лошади было нельзя, в виду чрезмерного увеличения всего груза, который дошел бы до 200 пудов и не мог бы быть вывезен на железную дорогу за десятки верст. Поэтому остов коня, по предварительном снятии с него фотографии, был на месте разобран и кости доставлены в Музей отдельно, а в последнем вновь собраны и остов восстановлен в прежнем виде» (Бранденбург, 1902, с. 52). Современные исследователи полагают, что эти комплексы были оставлены «черными клобуками» – кочевниками, служившими русским князьям, и часть их вооружения была изготовлена на Руси. Учитывая, что в русских христианских погребениях этой эпохи оружия нет, эти находки восполнили пробелы в знаниях о вооружении не только кочевников, но и русского войска (Кирпичников, 2003, с. 14).

Большой интерес вызывал погребальный инвентарь военного вождя, найденный в кургане у с. Липовец Каневского уезда Киев-

ской губернии, размещенный в витрине «К». Там наряду с обычными вещами быта кочевников были найдены остроконечный шлем, лицевая защитная маска, кольчуга с короткими рукавами. Еще в нескольких витринах вместе с отдельными вещами также были выставлены целые погребальные комплексы. Преобладали предметы вооружения и конского снаряжения, иногда встречались украшения. Обращает на себя внимание полное отсутствие сведений о керамических сосудах в путеводителе, хотя в «Журнале раскопок» они нередко упоминаются с кратким описанием. При этом указывалось, что находятся эти сосуды в собрании Артиллерийского музея и имеют инвентарные номера, а в некоторых случаях их положение в могиле было зафиксировано на чертежах погребений (Журнал раскопок..., 1908, с. 6, 9, 18–21, 48, 81, 143, 189).

Н.Е. Бранденбург очень осторожно подходил к этническим определениям древностей, найденных им самим или полученных в музей иным путем. Так, последние разделы экспозиции именовались «Древности неизвестных народностей Харьковской, Киевской, Витебской, Тамбовской губерний» и «Древности неизвестной народности Курляндской губернии из могильника позднейшего времени». Здесь были выставлены и небольшие коллекции вещей из Люцинского и Лядинского могильников. Большинство предметов, происходящих не из раскопок самого Н.Е. Бранденбурга, было получено из Археологической комиссии. Как и в других случаях, ИАК нередко разделяла материалы из одних памятников по разным музеям. Так, 46 предметов из Лядинского могильника в 1891 г. (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 50. Л. 68) или 21 топор и 8 наконечников копий из Люцинского могильника в 1894 г. были переданы в Артиллерийский музей (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 53. Л. 76), также как и пять мечей, найденных в Керчи, а остальные предметы по просьбе директора Керченского музея были оставлены в Керчи (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 64. Л. 132). Но в том же 1902 г. ИАК отказала директору Артиллерийского музея в получении шлема из раскопок в Гнездово, поскольку эта коллекция целиком передавалась в Исторический музей в Москве (НА ВИМАИВиВС, Ф. 22. Оп. 92. Д. 64. л. 150).

Археологические находки, передаваемые из ИАК, продолжали поступать в музей и после смерти Н.Е. Бранденбурга, последовавшей в 1903 г. Так, например, из отчетов музея

за 1903–1906 гг. можно узнать, что в 1904 г. поступило 33 предмета (НА ВИМАИВиВС. Д. 116/117. Л. 5об.). Новым заведующим музеем был назначен помощник Н.Е. Бранденбурга, капитан Д.П. Струков. В 1912 г. он издал новый путеводитель по музею, который включил в себя в кратком виде материалы ранее изданного путеводителя Бранденбурга по доисторическому отделу. Но любопытно отметить, что в опубликованном там же «Положении об Артиллерийском Историческом Музее» среди его подразделений «доисторического отдела» уже не было (Струков, 1912, с. 126–151). По свидетельству А.П. Лебедеванской, создавшей исторический очерк о музее до 1917 г., к 1912 г. в археологической части экспозиции было выставлено 1250 предметов (Лебедеванская, 2008, с. 72).

Археологические коллекции, хранившиеся в Артиллерийском музее, демонстрировались не только на экспозиции самого музея, но и на некоторых выставках за его пределами. Так, например, организаторы XII Археологического съезда, прошедшего в Харькове в 1902 г., благодарили музей за предоставленные на выставку к съезду предметы (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 61. Л. 116).

Д.П. Струков, хотя сам и не занимался археологией, продолжал посещать Археологические съезды, например, на XV съезде в Новгороде в 1911 г. он намеревался выступить с докладом «Русские древлехранилища и разобщенность их деятельности» (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 293–294). В 1905 г. Артиллерийский музей по инициативе ИАК ходатайствовал о сохранении трех колоколов XVI – начала XVIII вв., заменяемых на колокольне Петропавловского собора в Петербурге (НА ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 69. Л. 99–100).

В 1912 г. помощником заведующего музеем был назначен последователь Н.Е. Бранденбурга Николай Михайлович Печенкин (1871–?), известный своими раскопками в Крыму в окрестностях Севастополя, где он в 1903–1905 гг. исследовал некрополи римского времени в северной части города и на р. Бельбек, в 1908 г. – Шеверинский курган и укрепленное поселение на Маячном полуострове в 1910 г. (Императорская..., 2009, с. 545, 548; Археологические труды..., 2020).

24 октября 1909 г. Н.М. Печенкин был избран секретарем разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества (далее – ИРВИО) и активно включился в его рабо-

ту, приняв участие в деятельности комиссии, разработавшей программу и принципы исследования древних крепостей Псковской и Новгородской земли. Также им совместно с Н.И. Репниковым была разработана программа, предполагавшая всестороннее исследование летом 1913 г. места Шелонской битвы 1471 г. (Первые пять лет..., 1913, с. 3–6). Для этих целей полковник Печенкин получал от ИАК открытый лист на раскопки в пределах с. Велебицы Псковской губернии и Кирило-Белозерского монастыря (НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. 1913 г. Д. 361). В качестве делегата от ИРВИО Н.М. Печенкин принимал участие в работе XV Археологического съезда в Новгороде (1911 г.) и XIV Международного конгресса антропологии и доисторической археологии в Женеве (1912 г.), а также Предварительного съезда деятелей музеев и архивов в Москве (1912 г.).

В сентябре 1917 г. полковник Печенкин был назначен исполняющим должность начальника Артиллерийского исторического музея и руководил эвакуацией коллекций в Ярославль. После прихода к власти большевиков ему пришлось отстаивать помещения музея от претендовавшего на них Совета солдатских депутатов артиллерийских складов, находящихся по соседству. Помогло обращение к наркому просвещения А.В. Луначарскому. В 1918 г. он, уже назначенный начальником музея, получил открытый лист, подписанный А.В. Луначарским, на раскопки в районе Севастополя, куда и выехал в конце августа. С этого времени сведений о его дальнейшей судьбе неизвестно (Рудакова 2003, с. 32; Непомнящий, 2018, с. 52). Вероятнее всего, Печенкин пропал в бурном водовороте Гражданской войны на юге России, поскольку, если бы он оказался в эмиграции, имя деятельного офицера и исследователя древностей где-нибудь да всплыло бы. Показателем его авторитета в научной среде являлось то обстоятельство, что на заседании Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, состоявшемся 11 июля 1919 г., было решено не увольнять его с должности начальника музея до выяснения обстоятельств, препятствующих возвращению в Петроград.

В годы разрухи, наступившей после революции и гражданской войны, коллекции Артиллерийского музея оказались в очень тяжелом положении. Часть материалов погибла в Ярославле, оставшиеся или вернувшиеся из эвакуации понесли очень значительный

урон во время наводнения 23 сентября 1924 г., когда воды Невы затопили все нижние помещения музея. После этого по инициативе Главнауки была создана комиссия из представителей ведущих ленинградских музеев и Российской академии истории материальной культуры «с целью выявления состояния исторических и археологических памятников Артиллерийского музея и мер, необходимых для спасения их от порчи и гибели, угрожающих ввиду перенесенной этими памятниками эвакуации в Ярославль или семилетнего хранения в не отапливаемых и не ремонтируемых, отсыревших помещениях Кронверка» (цит. по: Кузнецова, 2003, с. 34). Комиссия пришла к выводу о том, что доисторические коллекции, которые семь лет хранились в холодном помещении с девяносточетырехпроцентной влажностью подверглись сильной порче и их необходимо передать в Государственный Эрмитаж. Однако эта передача значительно затянулась, и в 1926 г. один из хранителей Эрмитажа Г.И. Боровка вновь обследовал археологические материалы Артиллерийского музея, указав на ценность собрания, в котором комплексы находок точно привязаны к определенным погребениям. Согласившись, что многие предметы вооружения, особенно средневековых кочевников, вполне уместны в экспозиции военно-исторического музея, Боровка настаивал на передаче в Эрмитаж «излишних», по его мнению, коллекций эпохи камня и бронзы, а также скифской культуры, которые «изобилуют не имеющими отношения к военному быту предметами» и экспонируются не подобающим образом. В качестве такого примера, он привел керамические сосуды, которые «сгружены в кучи, вставлены стойками одни в другие, так что нет никакой возможности их разглядеть» (Кузнецова, 2003, с. 35).

В итоге, в 1932 г. все археологические коллекции, хранившиеся в Артиллерийском музее, были переданы в Государственный Эрмитаж. Часть коллекции Н.Е. Бранденбурга, посвященная эпохе бронзы, была издана Н.К. Качаловой (1974), древностям скифской эпохи – Л.К. Галаниной (1977), погребениям средневековых кочевников – С.А. Плетневой (1973). Краткое описание этих ценных археологических материалов приведено в статье Л.К. Галаниной и Н.К. Качаловой (2000, с. 17–20).

Новые исследования в области военной археологии возобновились в Артиллерийском музее уже только в послевоенный период и

были связаны с именами молодых в то время Кирпичникова и И.Н. Хлопина (Белецкий, выпускников кафедры археологии ЛГУ – А.Н. Платонова, 2014, с. 18, 19).

ЛИТЕРАТУРА:

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я.Самоковасова (1843–1911) / Сост., вступ. статья и коммен. С.П. Щавелёва. Курск: КГМУ, 2007. 506 с

Археологические труды Н.М. Печёнкина // Гераклеяский сборник. Вып. IV. / Отв. ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова, Сост. Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2020. 216 с.

Белецкий С.В., Платонова Н.И. Жизнь и труды Анатолия Николаевича Кирпичникова // *Stratum plus*. 2014. № 6. С. 17–26.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья / МАР. № 18. СПб., 1895. 156 с.

Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. 323 с.

Бранденбург Н.Е. Путеводитель по С.-Петербуржскому Артиллерийскому музею. I. Отдел доисторический. СПб., 1902. 89 с.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) / САИ. Вып. 8. М.: Наука, 1977. 33 с

Галанина Л.К., Качалова Н.К. Археологическая коллекция Н.Е.Бранденбурга в Эрмитаже // *Бомбардир*. 2000. № 9. С. 17–20.

Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг.: Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской и в Области Войска Донского. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 238 с.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под ред. Е.Н.Носова. СПб.: Дмитрий Булаин, 2009. 1192 с.

Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы / САИ. Вып. В4–12. М.: Наука, 1974. 56 с.

Кирпичников А.Н. Николай Ефимович Бранденбург – выдающийся оружейвед, историк, археолог // Бранденбургские чтения. Вып. 1. / гл. ред. Крылов В.М. СПб., 2003. С. 13–15.

Кузнецова М.Д. Судьба коллекции Н.Е. Бранденбурга // Бранденбургские чтения. Вып. 1. / гл. ред. Крылов В.М. СПб., 2003. С. 33–36.

Лебедянская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк. (1703–1917). СПб.: ВИМАИВиВС, 2008. 111 с.

Маковская Л.К. Николай Ефимович Бранденбург (очерк биографии) // Артиллерийский музей / Отв. ред. В.М. Крылов. СПб.: Арт-Паллас, 2001. С. 11–15.

Непомятый А.А. Николай Михайлович Печенкин // Репников Н.И., Бабенчиков П.П., Бабенчиков В.П., Веймарн Е.В. Гераклеяский сборник 1936 г. / Ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 49–52.

Печенкин Н. Памяти Н.Е. Бранденбурга // Артиллерийский журнал. 1905. № 7. С. 7–46.

Первые пять лет деятельности Императорского Русского военно-исторического общества. 1907–1912. СПб., 1913. 66 с.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков / САИ. Вып. Е1–19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Рудакова Л.П. Николай Михайлович Печенкин: штрихи к портрету // Бранденбургские чтения. Вып. 1. / гл. ред. Крылов В.М. СПб., 2003. С. 28–32.

Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому Историческому музею. СПб., 1912. 155 с.

Тихонов И.Л. Записка Н.Е. Бранденбурга «Об исследовании земляного городища в Старой Ладоге» // Программа «Храм». Чтения памяти Николая Ефимовича Бранденбурга / ред.-сост. А.К. Крылов, О.Ю. Крылова. СПб., 1995. С. 150–158.

Тункина И.В. К биографии Николая Михайловича Печенкина: новые архивные материалы // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.). / Отв. Ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 233–238.

Информация об авторе:

Тихонов Игорь Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); I.Tikhonov@spbu.ru

REFERENCES

- Shchhavelev, S. P. (ed.). 2007. In *Arkheologiya, istoriya i arkhivnoe delo Rossii v perepiske professora D. Ya. Samokvasova (1843–1911) (Archaeology, History and Archiving of Russia in the Correspondence of Professor D. Ya. Samokvasov (1843–1911))*. Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).
- Vinogradov, Yu. A., Smekalova, T. N. (eds.). 2020. *Arkheologicheskie trudy N.M. Pechionkina (Archaeological Works by N. M. Pechenkin)*. Series: Geraklejskii sbornik (Heraclea Collection) IV. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ. (in Russian).
- Beletsky, S. V., Platonova, N. I. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 17–26 (in Russian).
- Bradenburg, N. E. 1895. *Kurgany Iuzhnogo Priladozh'ia (Mounds of the Southern Ladoga Region)*. In Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 18. Saint Petersburg (in Russian).
- Bradenburg, N. E. 1896. *Staraja Ladoga (Staraya Ladoga)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Bradenburg, N. E. 1902. *Putevoditel' po S.-Peterburgskomu Artilleriiskomu muzeiu. I. Otdel doistoricheskii (Guide to the Saint Petersburg Artillery Museum. I. Prehistoric Department)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprov'ia. (Ermitazhnaia kolleksiia N.E. Brandenbura) (Scythian Antiquities of the Dnieper Region. (Hermitage Collection of N.E. Brandenburg))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 8. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Galanina, L. K., Kachalova, N. K. 2000. In *Bombardir (Bombardir)* 9, 17–20 (in Russian).
1908. *Zhurnal raskopok N.E. Brandenbura 1888–1902 gg.: Raboty v guberniiakh: Kievskoi, Poltavskoi, Khar'kovskoi, Kamenets-Podol'skoi, Ekaterinoslavskoi, Tavricheskoi, Chernigovskoi, Mogilevskoi, Novgorodskoi, Smolenskoi i v Oblasti Voiska Donskogo (Journal of Excavations by N. E. Brandenburg in 1888-1902: Activities in Governorates: Kiev, Poltava, Kharkov, Kamianets-Podil'skiy, Yekaterinoslav, Taurida, Chernigov, Mogilev, Novgorod, Smolensk and in the Don Host Oblast)*. Saint Petersburg: “Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg” Publ. (in Russian).
- Nosova, E. N. (ed.). 2009. *Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissii (1859–1917): K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo nasledii (Imperial Archaeological Commission (1859–1917): To the 150th Anniversary of its Foundation. At the Origins of Russian Archaeology and Cultural Heritage Protection)*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ. (in Russian).
- Kachalova, N. K. 1974. *Ermitazhnaia kolleksiia N.E. Brandenbura. Epokha brozy (Hermitage Collection of N.E. Brandenburg. Bronze Age)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B4–12. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 2003. In Krylov, V. M. (ed.). *Brandenburgovskie chteniia (Brandenburg Readings)* 1. Saint Petersburg, 13–15 (in Russian).
- Kuznetsova, M. D. 2003. In Krylov, V. M. (ed.). *Brandenburgovskie chteniia (Brandenburg Readings)* 1. Saint Petersburg, 33–36 (in Russian).
- Lebedinskaia, A. P. 2008. *Artilleriiskii istoricheskii muzei. Istoricheskii ocherk. (1703–1917.) (Artillery Historical Museum. Historical Sketch. (1703–1917.))*. Saint Petersburg (in Russian).
- Makovskaya, L. K. 2001. In Krylov, V. M. (ed.). *Artilleriiskii muzei (Artillery museum)*. Saint-Petersburg: “Art-Pallas” Publ., 11–15 (in Russian).
- Nepomniashchii, A. A. 2018. In Vinogradov, Yu. A., Smekalova, T. N. (eds.) *Gerakleiskii sbornik 1936 g. (Heraclea Collection of 1936)*. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ., 49–52 (in Russian).
- Pechenkin, N. 1905. In *Artilleriiskiy zhurnal (Artillery Journal)* 7. 7–46 (in Russian).
1913. *Pervye piat' let deiatel'nosti Imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. 1907–1912 (The First Five Years of the Activity of the Imperial Russian Military Historical Society. 1907–1912)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of Chorni Klobuky)* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–19. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Rudakova, L. P. 2003. In Krylov, V. M. (ed.). *Brandenburgovskie chteniia (Brandenburg Readings)* 1. Saint Petersburg, 28–32 (in Russian).
- Strukov, D. P. 1912. *Putevoditel' po Artilleriiskomu Istoricheskomu muzeiu (Guide to the Historical Museum of Artillery)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Tikhonov, I. L. 1995. In Krylov, A. K., Krylova, O. Yu. (eds.). *Programma «Khram». Chteniia pamiati Nikolaia Efimovicha Brandenbura (The “Temple” Program. Readings in Memory of Nikolai Efimovich Brandenburg)*. Saint Petersburg, 150–158 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2014. In Zuev, V. Yu., Khrshanovski, V. A. (eds.). *Pogrebal'naja kul'tura Bosporskogo carstva (Sepulchral culture of the Bosporan kingdom)* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia" Publ., 233–238 (in Russian).

About the Author:

Tikhonov Igor L. Doctor of Historical Science, Professor of Archaeological Department, St.Petersburg State University, Mendeleevskaya liniya 5, St.Petersburg, 199034, Russian Federation; I.Tikhonov@spbu.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.

Статья принята к публикации 01.10.2021 г.